

Научная статья

УДК 324+328.187

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-291-297

ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТНОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Алексей Юрьевич Терентьев

Тихоокеанский государственный университет, Владивосток, Россия, Kadet1992@ya.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен протестного голосования – негативной формы электорального поведения, направленной на демонстрацию неудовлетворенности политикой правительства. Имеющиеся данные показывают нарастание в последние годы негативных тенденций в социально-экономическом развитии и субъективном восприятии положения дел в стране (с 2018 г.), что является основой для изменения электорального поведения. Губернаторские выборы 2018 г. продемонстрировали несколько успешных примеров рационального протестного голосования. Сохранение негативных тенденций общественного развития является фундаментальной предпосылкой для расширения проявлений электорального протеста, который может принимать различные формы.

Ключевые слова: протестное голосование, выборы, электоральное поведение, электоральный протест, демократия, электоральный авторитаризм, социально-экономическое развитие, социальная напряженность, Россия

Для цитирования: Терентьев А.Ю. Потенциал протестного голосования в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 291–297. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-291-297>.

Young scientists

Original article

THE POTENTIAL OF PROTEST VOTING IN RUSSIAN SOCIETY

Alexey Yu. Terentev

Pacific National University, Vladivostok, Russia, Kadet1992@ya.ru

Abstract. The article analyzes the phenomenon of protest voting – a negative form of electoral behavior, which demonstrates dissatisfaction with government policies and performance. The available data show the stable growth of negative trends in socio-economic development and subjective perception of the state of affairs in the country (since 2018), which is the basis for changes in electoral behavior. The 2018 governors' elections showed several successful examples of rational protest voting. The persistence of negative trends in social development is a fundamental prerequisite for the expansion of electoral protest, which can take various forms

Keywords: protest voting; elections; electoral behavior; electoral protest; democracy; electoral authoritarianism; social economic development; social tensions; Russia

For citation: Terentev A. Yu. The potential of protest voting in Russian society. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):291–297. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-291-297>.

В настоящее время во многих странах наблюдается кризис представительства и связанные с ним изменения электорального поведения [1-3]. Последние проявляются, в частности, в росте числа голосов, отдаваемых за маргинальные, популистские или радикальные политические силы (Д. Трамп в США, Ж. Болсонару в Бразилии, UKIP в Великобритании, «Национальное объединение» во Франции, «Альтернатива для Германии» в ФРГ, «Австрийская партия свободы» в Австрии, «Подemos» в Испании, СИРИЗА в Греции и др.). Объяснение этих и других примеров изменений электорального поведения ряд политологов связывает с феноменом протестного голосования.

В самом общем смысле, протестное голосование – это такой вид электорального поведения, при котором участие в процедуре голосования используется не для того, чтобы обеспечить представительство своих интересов в органах власти, а для того, чтобы выразить недовольство текущей политикой правительства и сложившейся экономической, социальной, политической ситуацией [4; 5].

Классическая модель представительской демократии рассматривает выборы именно как механизм представительства интересов граждан в органах власти [6]. Современные общества являются сложными и внутренне дифференцированными, и различные группы характеризуются разными интересами. Многопартийная система обеспечивает возможности представительства в органах власти, прежде всего парламенте, а выборы позволяют обеспечить пропорциональность и, следовательно, демократичность такого представительства.

Однако в политической теории были предложены и другие интерпретации электоральных процедур в демократическом обществе. Так называемые экономические теории голосования утверждают, что выборы – это не столько механизм обеспечения представительства, сколько индикатор удовлетворенности граждан текущей политикой и способ изменить эту политику, если она их не устраивает [7; 8]. В этом случае, любые выборы необходимо рассматривать, прежде всего, как своего рода референдум о доверии правительству. Решение, принимаемое избирателем – это решение в первую очередь о том, поддержать ли ему существующее правительство, или нет. Такое голосование является следствием рационального выбора, основанного на оценке текущей политики в областях, имеющих жизненно важное значение для избирателя. Изначально, к числу таких факторов относились, прежде всего, социально-экономические условия: экономический рост, уровень доходов, состояние рынка труда. Анализ динамики соответствующих показателей (ВВП, ВВП на душу населения, процент безработных и т.п.) поэтому использовался для успешного прогнозирования результатов выборов, без какого-либо обращения к политическим предпочтениям избирателей. Более совершенные разновидности таких моделей принимают в расчет и другие, неэкономические условия жизни, важные для избирателей: качество жизни, безопасность, качество окружающей среды и т.п.

Теория протестного голосования является во многом развитием такой плебисцитарной модели голосования. Хотя она не отрицает представительской функции выборов, она обосновывает, что в условиях ограниченности возможностей представительства рациональное электоральное поведение может предполагать выбор в пользу не столько позитивной, сколько негативной стратегии голосования. Выбор в этом случае отражает недовольство текущей политикой или состоянием дел, и является важным элементом обратной связи. Вместе с тем политологи признают, что формы, которые принимает электоральный протест, могут существенно различаться, в зависимости от характеристик избирательной системы, самих избирателей, а также политической ситуации в стране. Более конкретно, в настоящее время выделяют пять видов протестного голосования [9]:

– *радикальное*: против традиционных политических сил в пользу неортодоксальных и радикальных, как проявление недовольства политической системой в целом;

– *тактическое*: как форма обратной связи, направленная на коррекцию действий предпочитаемой политической силы;

– *организованное*: скоординированная политическая кампания сил, лишенных возможности полноценного участия в выборах;

– *против всех*: реализация официальной возможности продемонстрировать недовольство любой доступной альтернативой;

– *порча бюллетеней*.

В настоящее время явление протестного голосования активно изучается, прежде всего, применительно к демократическим политическим системам, как относительно новая форма электорального поведения, отражающая разочарованность существующей моделью представительства (см., напр. [3; 5; 10]). Вопрос о том, в какой мере теория протестного голосования может объяснять электоральное поведение в условиях недемократических систем, в частности, электоральных автократиях, изучен в гораздо меньшей степени. Поскольку современная российская система может быть отнесена именно к такой форме [11], представляет интерес, в какой мере выборы могут использоваться избирателями для демонстрации своего недовольства сложившимся положением дел.

Рассмотрим вначале то, что может рассматриваться как объективные предпосылки протестного голосования в современной России. В таблице представлены основные показатели, характеризующие социально-экономическое развитие России в 2010-2020 гг.

Приведенные в таблице данные показывают, что последнее десятилетие можно охарактеризовать как период стагнации с явно выраженными негативными тенденциями. Размер экономики за этот период вырос незначительно, а темпы экономического роста значительно снизились, отражая совокупность внешних и внутренних факторов. При этом темпы роста экономики начали снижаться еще до кризиса 2014 г. и введения режима санкций со стороны развитых стран. Реальные располагаемые денежные доходы населения, которые отражают фактический уровень жизни, не только не растут, но и уменьшаются.

Таблица – Динамика основных социально-экономических показателей в России, 2010-2020 гг.¹

Table - Dynamics of main socio-economic indicators in Russia, 2010-2020

Год	ВВП по ППС, трлн долл. в ценах 2017 г.	Рост ВВП, % к предыдущему году	Рост ВВП на душу населения, % к предыдущему году	Реальные располагаемые доходы населения, % к предыдущему году	Естественный прирост населения, % к предыдущему году
2010	3,4	4,5	4,5		-1,7
2011	3,6	4,3	4,2		-0,9
2012	3,7	4,0	3,8		0,0
2013	3,8	1,8	1,5		0,2
2014	3,8	0,7	-1,0	98,8	0,2
2015	3,7	-2,0	-2,2	97,6	0,3
2016	3,7	0,2	0,0	95,5	-0,01
2017	3,8	1,8	1,7	99,5	-0,9
2018	3,9	2,8	2,8	100,4	-1,6
2019	4,0	2,0	2,1	101,0	-2,2
2020	3,9	-3,0	-2,8	97,2	-4,8
Среднее (2010-2015)	3,67	2,22	1,80		-0,32
Среднее (2015-2020)	3,83	0,30	0,27	98,53	-1,54

Одновременно последние годы характеризуются устойчивым ростом естественной убыли населения, что можно считать интегральным показателем социально-экономического благополучия российского общества. В 2020 году негативные демографические тенденции были дополнительно усилены влиянием пандемии Covid-19, которая продолжает оказывать сильное влияние на условия жизни в стране. По данным Росстата, в 2020 году общая смертность в стране увеличилась на 324 тыс. чел. по сравнению с 2019 г; за первое полугодие 2021 г. число умерших увеличилось еще на 153,5 тыс. чел. по сравнению с аналогичным периодом первого пандемического года.

Таким образом, можно констатировать, что неблагоприятные тенденции социально-экономического развития образуют объективные предпосылки для изменений электорального поведения, в частности – снижения поддержки правящих политических сил и проявления различных форм протестного голосования. Однако обращение к более субъективным оценкам и восприятию россиян показывает, что ситуация может быть более сложной. Важный мониторинговый показатель регулярных исследований Левада-центра, а именно оценка текущего положения дел в стране, показывает, что в целом до 2014 г. соотношение тех, кто считал, что страна движется в правильном и неправильном направлении, была примерно одинакова². Однако затем ситуация резко изменилась и позитивные оценки стали доминировать со значительным преимуществом (приблизительно 50-60% против 25-30%), – несмотря на ухудшение экономических показателей. Это обычно связывается с т.н. «крымским консенсусом» – положительной реакцией общества на присоединение Крыма. В 2018 году, однако, этот эффект оказался практически полностью перекрыт началом пенсионной реформы, что выразилось в возвращении к показателям, лишь немного превышающим докризисные.

Аналогичная динамика характерна для одобрения деятельности президента РФ, отвечающего за внутреннюю и внешнюю политику. Правда, в абсолютных величинах сохраняется значительное преобладание тех, кто говорит о своем одобрении. Однако, учитывая, что свободное высказывание своего мнения в условиях нарастающих авторитарных тенденций может быть затруднено, представляют интерес более косвенные оценки положения дел в стране. Отвечая на вопрос не о личных оценках, а о том, много ли в стране тех, кто не согласен с внутренней политикой, проводимой В. Путиным, 62% ответили, что таких людей «довольно много» или «очень много»³.

¹ Источники информации: Всемирный банк (<https://data.worldbank.org>); Росстат (<https://rosstat.gov.ru>).

² Оценка текущего положения дел в стране / Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 19.08.2021).

³ Говорят, не все так однозначно / Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/07/07/govoryat-ne-vse-tak-odnoznachno/> (дата обращения: 09.08.2021).

Дополнительным и самостоятельным фактором социальной напряженности становятся ограничения, связанные с антиэпидемической политикой, в том числе перспективой обязательной вакцинации, крайне негативно воспринимаемой российским обществом¹.

Приведенные данные позволяют утверждать, что, начиная с 2018 года, в стране резко усилился потенциал протестного голосования, что, в теории, должно отразиться в соответствующих электоральных практиках. Подтверждением этой гипотезы служат результаты региональных губернаторских выборов, прошедших в 2018 году. Достаточно неожиданно для многих наблюдателей в четырех регионах победу одержали представители оппозиционных политических сил: С.И. Фургал в Хабаровском крае, В.О. Коновалов в Республике Хакасия, В.В. Сипягин во Владимирской области. В Приморском крае, в котором реальная возможность выиграть выборы была у оппозиционного кандидата А.С. Ищенко, результаты были признаны недействительными, и оба кандидата, вышедшие во второй тур, не были допущены к повторным выборам. На наш взгляд, об этих четырех выборах можно говорить как о проявлениях протестного голосования по следующим причинам:

1. Победу на выборах одержали кандидаты от разных партий: В.О. Коновалов и А.С. Ищенко – от КПРФ, С.И. Фургал и В.В. Сипягин – от ЛДПР. Это может говорить о том, что для избирателя значение имело не содержание партийной программы или политические убеждения, а сам факт принадлежности к оппозиции при наличии реальной возможности победы.

2. Переход от первых ко вторым турам характеризуется резким ростом числа голосов, поданных за оппозиционного кандидата, при практически не изменяющихся результатах кандидата от власти. Например, если в первом туре во Владимирской области за В.В. Сипягина (ЛДПР) и С.Ю. Орлову (ЕР) проголосовали, соответственно, 31,2% и 36,4%, то во втором туре аналогичные цифры составили уже 57,0% и 37,5%². Это свидетельствует о том, что появление реального шанса на победу оппозиционного кандидата резко усиливает его электоральную базу – поскольку выступает как возможность выразить недоверие действующей политической силе.

3. Выход во второй тур оппозиционного кандидата во всех случаях сопровождался увеличением электоральной активности избирателей, что говорит о росте воспринимаемой ценности собственного голоса в ситуации реальной конкуренции и реальной возможности высказать недоверие действующей власти.

4. На выборах в Приморском крае выход оппозиционного кандидата во второй тур сопровождался значительным снижением (с 17,3 до 12,2 тыс.) числа недействительных бюллетеней, – тогда как отмена их результатов и повторные выборы с отстранением оппозиционного кандидата привели к более чем двукратному росту числа недействительных бюллетеней (до 27,1 тыс.) Это может означать, что изначально часть избирателей, чьи интересы не были представлены на выборах, выбирали тактику протестного голосования в форме порчи бюллетеней. Увидев реальную возможность продемонстрировать свой протест более эффективным образом, они приняли решение голосовать за оппозиционного кандидата, а назначение повторных выборов заставило их (и многих) других вернуться к прежней тактике.

Таким образом, пример региональных выборов 2018 года можно интерпретировать как проявление рационального протестного голосования, целью которого является демонстрация доминирующей политической силе своего недоверия в условиях ограниченного выбора. Это полностью соответствует динамике объективных и субъективных показателей социально-экономического развития. Важно отметить, что эти примеры вряд ли можно объяснить ссылкой на какие-то особые политические технологии и методы организованного протестного голосования. Несмотря на то, что попытки разработать такие технологии в последние годы предпринимались, прежде всего, как модель «Умного голосования», предложенная сторонниками А.А. Навального, их успехи носят скорее локальный и ограниченный характер (выборы в Мосгордуму 2019 г., муниципальные выборы в 2020 году в Новосибирске и Томске, а также выборы в Санкт-Петербурге, эффективность которых, по оценкам Г. Голосова и М. Турченко, составила 7%³).

Вместе с тем нельзя не указать на тот факт, что протестное голосование 2018 года не получило своего логического продолжения в электоральном поведении, отраженном в последующих важных электоральных процедурах. Прежде всего, это касается президентских выборов 2018 г.,

¹ Коронавирус, прививки и обязательная вакцинация / Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/07/05/koronavirus-privivki-i-obyazatel'naya-vaktsinatsiya/> (дата обращения: 09.08.2021).

² Источник данных – ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru> (дата обращения: 09.08.2021).

³ Голосов Г., Турченко М. Эффективно ли «Умное голосование»? // Riddle. 13.08.2020. URL: <https://www.ridl.io/ru/jeffektivno-li-umnoe-golosovanie/> (дата обращения: 09.08.2021).

на которых действующий президент получил 76,7% голосов избирателей, а также всероссийского голосования по вопросам изменений в Конституцию в 2020 г., которые, по официальным данным, поддержало 77,9%. В обоих случаях предпринимались попытки провести организованное протестное голосование, однако заметного влияния на результаты оно не оказало.

С точки зрения теории протестного голосования такие результаты выглядят парадоксальными. Как объективные, так и субъективные показатели подтверждают продолжающиеся негативные тенденции социально-экономического развития, которые носят системный характер. Никаких очевидных внешнеполитических успехов, которые по своему эффекту могли бы сравняться с присоединением Крыма, за последние годы не было. При этом губернаторские выборы 2018 года наглядно показали способность и готовность избирателей к рациональному протестному голосованию, причем не требующему никакой организованной кампании. Единственное рациональное объяснение прекращения успешных примеров протестного голосования заключается в использовании административных возможностей действующей политической силы для обеспечения необходимых официальных результатов. Это подтверждается обоснованными сомнениями в чистоте электоральных процедур, особенно в случае конституционной реформы [12].

Резкое усиление в 2021 году, перед парламентскими выборами давления на оппозиционные силы, включая многочисленные случаи отказа в регистрации известных кандидатов, также является косвенным подтверждением опасения государства относительно рисков протестного голосования. Сами выборы, прошедшие в сентябре 2021 года, стали важной проверкой теории протестного голосования в современных российских условиях. На объективные предпосылки электорального протеста, связанные с негативной социально-экономической и публично-политической динамикой, наложился активные усилия сторонников «несистемной оппозиции» по проведению кампании организованного протестного голосования.

Согласно официальным результатам ЦИК, Единая Россия получила большинство голосов избирателей при голосовании по списку: результаты 2021 года (49,82%), что несколько ниже результатов 2016 года (54,2%), но обеспечивает безусловное лидерство правящей партии¹. В совокупности с результатами по одномандатным округам, эти результаты позволили партии сохранить конституционное большинство в парламенте несмотря на некоторое снижение общего числа мандатов (с 343 до 324). Занявшая второе место КППРФ набрала по списку 18,93% и получила 57 мандатов, несколько улучшив результаты предыдущих выборов (13,34% и 42 места). Несмотря на некоторое перераспределение мест, общая расстановка политических сил по итогам выборов фактически не изменилась, что заставляет усомниться в справедливости гипотезы протестного голосования. Однако мы утверждаем, что это не так, и есть основания полагать, что протестное голосование проявило себя в ходе последних выборов.

При этом мы должны сделать важную оговорку, что для теории протестного голосования последнее должно рассматриваться именно с точки зрения паттернов электорального поведения, а не формального расклада сил в парламенте. Официальные результаты выборов в недемократических системах, особенно в условиях высокой степени политического и административного контроля над электоральным процессом, не могут рассматриваться как прямое отражение фактической структуры общественного мнения и политических предпочтений. Массовый недопуск оппозиционных кандидатов, сложности независимого наблюдения, за ходом голосования как на участках, так и за экспериментальным электронным голосованием, статистические аномалии, выявленные независимыми исследователями, факты нарушений, регистрируемые независимыми организациями, а также значительное несоответствие между официальными исследованиями и результатами независимых социологических опросов, проведенных как до, так и после выборов, – заставляют ряд комментаторов со скепсисом относиться к официальным результатам². Однако наличие веских сомнений в достоверности официальных результатов сами по себе не дают ответа на вопрос о характере фактического электорального поведения и, в частности, о том, в какой степени в нем проявляются черты протестного голосования.

¹ Источник данных – ЦИК РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru> (дата обращения: 11.10.2021).

² См., напр.: «Карта нарушений»: три рекордных дня // Голос. 05.10.2021. URL: <https://www.golosinfo.org/articles/145568> (дата обращения 11.10.2021); Толстогузов В., Исавнин А., Заякин А. Секретные фэйлы // Новая газета. 04.10.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/04/sekretnye-feily> (дата обращения 11.10.2021); Шпилькин: «Единая Россия» получила 14 млн «аномальных» голосов. Без фальсификаций «партия власти» набирает 31-33% // Новая газета. 21.09.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/shpilkin-edinaia-rossia-poluchila-14-mln-anomalnykh-golosov-bez-falsifikatsii-partiia-vlasti-nabiraet-31-33-news> (дата обращения 11.10.2021).

Хотя большое число электоральных аномалий, которые только предстоит детально проанализировать, затрудняют выявление реальных паттернов электорального поведения, как минимум несколько фактов позволяют говорить о проявлении различных форм протестного голосования. К их числу относятся следующие результаты выборов:

1. Результаты правящей партии (ЕР) снизились приблизительно на 5% даже по официальным результатам.

2. Значительно усилились позиции КПРФ, которая ранее устойчиво теряла электорат, но была поддержана представителями «несистемной оппозиции». В нескольких регионах (Марий Эл, Якутия, Ненецкий АО) КПРФ по списку получила больше голосов, чем «Единая Россия».

3. Особенно показательными являются высокие результаты КПРФ в дальневосточных регионах, несмотря на то, что в предыдущих циклах протестные избиратели голосовали за ЛДПР. Например, в Приморском крае КПРФ и ЛДПР получили, соответственно, 28,2% и 7,7% голосов, хотя в 2016 г. аналогичные цифры были 17,95% и 19,66%. Аналогичные результаты зафиксированы в Хабаровском крае и ряде других регионов. Это может служить подтверждением рационального, тактического характера голосования, при котором возможности продемонстрировать недовольство властью важнее содержания политических предпочтений.

4. Неожиданно высокий результат КПРФ в Якутии: партия набрала 35,1% – более чем двукратный рост по сравнению с 2016 г. (14,35%). Фоном для этих результатов стали неэффективные действия властей в решении проблем беспрецедентных пожаров 2021 года.

5. Проход в парламент новой партии («Новые люди») также может служить проявлением протестного голосования, особенно как средство выражения недоверия ко всем традиционным партиям.

6. Наконец, одним из главных сюрпризов парламентских выборов стали результаты голосования в Москве, на которых кандидаты, поддержанные «Умным голосованием», лидировали более чем в половине округов по результатам подсчета на офлановых участках, однако проиграли после оглашения итогов с учетом «электронного голосования».

Таким образом, можно предположить, что эффекты протестного голосования в значительной мере были компенсированы административным контролем над электоральным процессом. Однако следует отметить, что усиление административного давления и стремление максимально ограничить возможности электорального выбора никак не устраняют объективные и субъективные предпосылки протестного голосования. Игнорирование этого факта может привести лишь к усилению социальной напряженности в обществе и повысить риски как электорального, так и неэлекторального протеста в ближней и среднесрочной перспективе.

Список источников

1. Andreadis I., Hawkins K.A., Llamazarez I., Singer M.M. Conditional populist voting in Chile, Greece, Spain, and Bolivia // *The Ideational Approach to Populism: Concept, Theory, and Analysis* / Ed. by K.Hawkins et al. London: Routledge, 2018. P. 238-278.
2. Marcos-Marne H., Plaza-Colodro C., Freyburg T. Who votes for new parties? Economic voting, political ideology and populist attitudes // *West European Politics*. 2020. Vol. 43. Issue 1. P. 1-21.
3. Voss D. The political economy of European populism: labour market dualisation and protest voting in Germany and Spain // *LEQS Paper No. 132*. 2018. 50 p.
4. Myatt D.P. A theory of protest voting // *The Economic Journal*. 2017. Vol. 127. P. 1527-2567.
5. Hernandez E. Democratic discontent and support for mainstream and challenger parties: democratic protest voting // *European Union Politics*. 2018. Vol. 19. Issue 3. P. 458-480.
6. Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006. 384 с.
7. Tufte E. *Political Control of the Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1978. 192 p.
8. Lewis-Beck M.S., Stegmaier M. Economic models of voting // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by J.Dalton, H.-D.Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007. 25 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0027.
9. Alvarez R.M., Kiewiet D.R., Núñez L. A taxonomy of protest voting // *Annual Review of Political Science*. 2018. Vol. 21. P.135-154.
10. Schimpf C.H. Anticipated election result and protest voting: why and when Canadian voters signal discontent // *Canadian Journal of Political Science*. 2019. Vol. 52. P. 847-863.
11. Голосов Г.В. *Автократия, или Одиночество власти*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 160 с.
12. Медушевский А.Н. Конституционная реформа – 2020 с позиций теории легитимности // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2020. № 4. С. 15-30.

References

1. Andreadis I., Hawkins K.A., Llamazarez I., Singer M.M. Conditional populist voting in Chile, Greece, Spain, and Bolivia. In: Hawkins K. et al., eds. *The Ideational Approach to Populism: Concept, Theory, and Analysis*. London: Routledge; 2018; pp. 238-278.
2. Marcos-Marne H., Plaza-Colodro C., Freyburg T. Who votes for new parties? Economic voting, political ideology and populist attitudes. *West European Politics*. 2020; 43(1): 1-21.
3. Voss D. The political economy of European populism: labour market dualisation and protest voting in Germany and Spain. *LEQS Paper No. 132*. 2018; 50 p.
4. Myatt D.P. A theory of protest voting. *The Economic Journal*. 2017; 127: 1527-2567.
5. Hernandez E. Democratic discontent and support for mainstream and challenger parties: democratic protest voting. *European Union Politics*. 2018; 19(3): 458-480.
6. Mill J.S. *Rassuzhdeniya o predstavitel'nom pravlenii = Considerations on Representative Government*. Chelyabinsk: Socium; 2006. 384 p. (In Russ).
7. Tufte E. *Political Control of the Economy*. Princeton: Princeton University Press; 1978. 192 p.
8. Lewis-Beck M.S., Stegmaier M. Economic models of voting. In: Dalton J., Klingemann H.-D. *The Oxford Handbook of Political Behavior*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 25 p. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0027.
9. Alvarez R.M., Kiewiet D.R., Núñez L. A taxonomy of protest voting. *Annual Review of Political Science*; 2018; 21: 135-154.
10. Schimpf C.H. Anticipated election result and protest voting: why and when Canadian voters signal discontent. *Canadian Journal of Political Science*; 2019; 52: 847-863.
11. Golosov G.V. *Avtokratiya, ili Odinochestvo vlasti = Autocracy, or the Loneliness of Power*. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg; 2019. 160 p. (In Russ).
12. Medushevskiy A.N. 2020 Constitutional Reform as the Problem of Legitimacy Theory. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya = Theoretical and Applied Law*; 2020; (4):15-30. (In Russ).

Информация об авторе

А. Ю. Терентьев – аспирант.

Information about the author

A. Yu. Terentev – PhD student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 03.11.2021.